

Ж.Б. Абсаттарова¹, Ж.С. Мажитова^{2*}

¹ Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда Казахстан

² НАО «Медицинский университет Астана», Астана Казахстан
(E-mail: shantar_77@mail.ru; zhanna013013@gmail.com)

Аграрные переселения в степной край в дискурсе лидеров казахской интеллигенции (конец XIX — начало XX вв.)

В статье раскрывается содержание дискурса аграрных переселений в Степной край в репрезентации лидеров казахской интеллигенции. В процессе исследования было установлено, что в конце XIX — начале XX вв. следствием аграрно-экологического кризиса в России, стала разработка проектов массового переселения крестьян в азиатскую часть империи. Сокращение колонизационного фонда земель в западной части Сибири открывало перспективы перемещения миграционных потоков в направлении Степного края. Инициативы и практические решения центральных и региональных органов власти об активизации заселения степных областей, поддержанные в дискурсе консерваторов, были негативно восприняты в либеральном сегменте российского общества и в среде представителей казахской степной аристократии. Лидеры казахской интеллигенции, образованные по европейско-российским стандартам, активно включились в обсуждение перспектив и возможных последствий широкого распространения аграрных практик в колонизируемом регионе. В публикациях Султан-Газы Валиханова и А.Н. Букейханова были сформулированы и обоснованы позиции в пользу преимуществ скотоводческого типа хозяйственной деятельности в Степном крае и неэффективности доминирования в экономике земледельческих форм производства.

Ключевые слова: аграрная колонизация, казахская интеллигенция, переселенческое движение, Султан-Газы Валиханов, Алихан Букейханов, Степной край, дискурс, репрезентации.

Введение

С присоединением новых казахских земель к Российской империи на первом плане перед правительством «встало решение комплекса вопросов управления и поддержания порядка, которые выдвинулись в дифференцированном подходе к местным социально-экономическим институтам» [1; 8]. Не последнюю роль в этом играло решение аграрного вопроса, особенно актуализировавшегося после отмены крепостного права в империи. В исторической науке Казахстана тема аграрной колонизации степных пространств всегда рассматривалась как один из наиболее актуальных сюжетов, связанных со сложными процессами государственного строительства и формирования общественных коммуникаций в контексте российских имперских сценариев «оцентрирования» окраин. Детальному осмыслению подвергались темы российской переселенческой политики в Степном крае, организации расселения мигрантов в регионе, оценки экономических возможностей переселенческих хозяйств, а также вынужденной коррекции номадических практик индигенного населения в ситуации эскалации земледельческого опыта крестьянства. Однако вне поля исследовательской «оптики» часто оставались проблемы рефлексии общественными силами инициатив имперских властей в отношении колонизируемых территорий, репрезентируемой посредством такого канала коммуникации как периодическая печать, которая обладала важной функцией трансляции мнений и представлений самого широкого политического спектра о текущих событиях, в том числе и в колонизационном аспекте. Обращение к текстам, посвящённым восприятию обществом текущих явлений аграрной колонизации, предоставляет исследователю возможность к переосмыслению традиционных, устоявшихся подходов к колонизационному процессу как явлению обезличенному, наполненному сугубо делопроизводственными решениями, фиксирующими лишь властные представления об организации политического пространства. Между тем, в обсуждении вопросов аграрно-колонизационного характера в конце XIX — начале XX вв. включались разные категории российского социума, в том числе и национальные элиты казахского общества, связанные с Россией обстоятельствами служебного долга, а с соплеменниками кровно-родовыми отношениями.

* Автор-корреспондент. E-mail: zhanna0130130@gmail.com

В связи с этим, цель данной статьи заключается в раскрытии содержания дискурса лидеров казахской интеллигенции о процессе аграрной колонизации Степного края на рубеже XIX–XX вв., отражённого на страницах российских периодических изданий. Для достижения поставленной цели предполагает и решение ряда частных задач, к которым относятся: выявление главных тенденций «охранительного» дискурса аграрного продвижения вглубь степного пространства, основных позиций либеральных изданий и реакции их корреспондентов на те, или иные властные решения, описание социокультурного и интеллектуального контекста формирования интеллектуальных сил в казахском социуме и установление основных позиций в отношении представлений и практических решений российской власти, направленных на реализацию имперских проектов колонизации Степного края.

Материалы и методы исследования

Выбор темы исследования соотносится с состоянием отечественного гуманитарного знания, активно интегрируемого в контекстные рамки «новой исторической науки», ориентированной не столько на описание событий, сколько к рефлексии состояний и конструированию представлений об исторической реальности. В связи с этим, обращение к дискурсу лидеров казахской национальной интеллигенции, репрезентируемому на страницах центральных и региональных периодических изданий открывает перспективы уточнения подходов общественных сил Российской империи к организации аграрно-колониционных практик в отношении степной периферии, деятельности акторов власти и общества в специфической этнокультурной и хозяйственно-экономической среде колонизируемого региона.

Подходы и практики «новой культурно-интеллектуальной истории», направленные на препарирование текстов, отражающих элитную интеллектуальную мысль эпохи и дискурсивные практики, позволяют скорректировать представления о таком важном процессе как аграрная колонизация, соотнести нарративные структуры авторских текстов с социокультурной ситуацией конца XIX — начала XX вв. [2].

Базой источников статьи выступают публикации Г. Валиханова (заметка в газете «Новое время» в 1890 г.) и очерк А. Букейханова («Сибирские вопросы» за 1908 г.), посвящённый организации крестьянских поселений в Степном крае в начале XX в. Привлечённые к изучению материалы Г. Валиханова и А. Букейханова, не только фиксируют реакцию влиятельного сегмента казахского общества на социально-экономические процессы, разворачивавшиеся в границах территориального пространства Степного края в связи с экспоненциальным ростом переселенческого движения, но и являются эго-документами, запечатлевшими эмоционально-экспрессивные свидетельства человека «второго плана в истории» на катастрофические и культурные перемены в организации образа жизни, сценариев адаптивного поведения как коренного населения, так и мигрантов из Европейской России.

Метод деконструкции дискурса, реализуемый в ходе исследования публикаций Г. Валиханова и А. Букейханова как эго-текстов, способствовал раскрытию представлений лидеров казахской интеллигенции о потенциальных возможностях экономического и социокультурного развития обширного и пёстрого в этноконфессиональном отношении региона, но и сформировал понимание о круге акторов дискурса, основных «площадках» репрезентации оценочных суждений и предположений заинтересованных лиц: власти и общества.

В процессе исследования был также задействован историко-генетический метод, позволивший раскрыть причинно-следственные связи между декларациями и политическими решениями имперских властей в сфере организации аграрных переселений и общественной реакцией на эти заявления и практические действия, в том числе исходящей от лидеров казахской интеллигенции. Метод системного анализа обеспечил возможность воссоздать исторический контекст аграрно-колониционных мероприятий империи в Степном крае и его структурных компонентов: переселенческих проектов России во второй половине XIX — начале XX вв., социально-экономических возможностей государства в деле реализации политики массовых миграций, хозяйственного потенциала крестьянских дворов в ситуации водворения и обустройства в колонизируемом регионе.

Обсуждение и результаты

Отечественный историографический дискурс колонизации Степного края начал формироваться во второй половине XIX в., охватывая широкий круг вопросов, касавшихся травматических эпизодов имперской эскалации посредством распространения аграрно-земледельческих практик в регионе. Не-

сомненно, что основы исследовательской традиции данной проблемы были заложены представителями казахской гуманитарной интеллигенции, выходцами из степных аристократических кругов, стоявших у истоков антиколониального направления, ставшего фундаментом казахстанской историографии. В трудах учёных, путешественников, военных и гражданских деятелей, прошедших через российские образовательные структуры во второй половине XIX — начала XX вв., были обозначены наиболее дискуссионные темы, ставшие предметом продолжительной научной полемики: продуктивности и взаимодействия оседло-земледельческих и кочево-скотоводческих хозяйственно-культурных типов в колонизационном процессе, факторов организации политико-административного пространства в Степном крае, имперской экспертизы территорий региона как колонизационного фонда для аграрных переселений и т.д. [3], [4].

В продолжении XX столетия в пространство исследовательской рефлексии постепенно и равномерно включались сюжеты, связанные с репрезентацией представлений казахской интеллигенции о причинах, состоянии и перспективах аграрно-колонизационной деятельности Российской империи в казахстанских степях, осмысление которых приобрело новые контуры на рубеже XX — XXI вв. в результате научной коллаборации казахстанской и российской историографических школ [5], [6], [7], [8], [9], [10].

В постколониальной историографии сложилось устойчивое мнение, согласно которому, территории и население Азиатской России регулярно располагалось в эпицентре имперских управленческих практик, эволюционировавших от модели косвенного администрирования к управлению по крестьянскому образцу, что в конечном итоге способствовало слиянию практик, направленных на социально-экономическую и социокультурную интеграцию коренных народов в российский социум. Обоснованное в работах российских и казахстанских историков понятие «внутренний империализм» как модель дискурсов и идеологии [11], получило дальнейшее развитие в контексте прочтения и дискурсивного анализа текстов непосредственных участников событий — колониальных экспертов, функции которых в силу своих служебных обязанностей выполняли и представители казахской интеллигенции. По замечанию исследователей, двойственность статуса степных аристократов, к числу которых принадлежали персонажи данной статьи — Г. Валиханов и А. Букейханов, определялась тем, что их политическая карьера «была выстроена на представительстве своего народа в имперских структурах или, наоборот, представительстве имперских структур в степи» [12]. При этом, авторы признают, что наиболее ценным, востребованным и долговечным капиталом в карьере казахских интеллектуалов являлось их научное творчество, сформированное на основе экспедиционной работы, статистических исследовательских опытов, прямой коммуникации с соплеменниками, а также представителями переселенческого элемента, что позволило им широко репрезентировать свои представления о более продуктивных формах социально-экономической коммуникации в Степном крае.

В целом можно констатировать, что исследовательский опыт и историографическая традиция второй половины XIX — начала XXI вв. даёт возможности для смещения исследовательской «оптики» от тривиальной констатации оценок имперского опыта аграрной колонизации Степного края к осмыслению и дискурсивному анализу текстов экспертов, отразивших довольно пёструю гамму представлений этно-локальных и их лидеров об экономическом, социальном, культурном конструировании степного пространства в условиях модернизации.

Вторая половина XIX — начала XX вв. стала временем важных изменений в колонизационной политике и практиках организации социального, экономического, культурного пространств в периферийных и лимитрофных зонах Российской империи. Как известно, триггером перемен выступила кризисная ситуация в аграрном секторе экономики земледельческих районов России, обострившаяся в пореформенный период и характеризовавшаяся сокращением фонда пахотных земель, снижением продуктивности крестьянского хозяйства. Мероприятия, связанные с освобождением крестьян, вывели многомиллионное сословие из-под дворянской опеки, значительно сузив перспективы агрикультурной реконструкции в земледельческой области и обозначив в качестве наиболее реальной перспективы сохранения крестьянством сословной идентичности — переселения в Сибирь и Степной край.

Необходимо также отметить, что переселенческое движение на восточные окраины страны, начавшееся в 1860-х — 1870-х гг. и принявшее массовый характер на рубеже XIX–XX вв., во многом отражало содержание общественно-политического дискурса пореформенного времени, в национал-консервативном сегменте которого имперская территориальная экспансия позиционировалась как инструмент «возвращения собственного Востока России» [13], а аграрные переселения рассматрива-

лись в качестве эффективного способа русификации восточных окраин, мозаичных в этническом, языковом и культурном отношении. По многочисленным утверждениям специалистов в истории российского переселенческого дела, правительственная организация миграционных потоков в азиатскую часть империи продолжительное время (до принятия Переселенческого закона в 1891 г.) носила хаотический характер, была слабо обставлена в правовом и финансовом отношении, что выражалось прежде всего в обширных самовольных практиках передвижения за Урал [14], [15], [16]. Результатом такого положения дел являлось стремление крестьян к расселению в ближайших к Европейской России земледельческих местностях Западной Сибири, что вело к постепенному сокращению колониционного фонда и появлению новых траекторий переселенческого движения, в том числе с 1870-х гг. — в Степной край.

Следует отметить, что в продолжении XVIII–XIX вв. в российской прессе и публицистике конструировалось понимание отдалённых центрально-азиатских областей как потенциально органичной части империи, которая должна быть встроена в Россию путём последовательных властных мероприятий: военного присутствия, организации пашни, градостроительства, унифицированного с российским административного управления, патерналистских действий в отношении коренного населения. Трансляторами ориенталистского подхода к степной периферии выступали не только национал-консервативные периодические издания, но и учёные-востоковеды (В.В. Розен, В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург) (1880-е — 1917 гг.), подготовившие теоретическую почву для продвижения русской оседлости в отдалённые восточные местности [13; 125]. Распространение эволюционистских (Э. Тайлор, Дж. Фрезер) и особенно диффузионистских (Э. Дюркгейм, Ф. Ратцель) идей, постулирующих возможность культуртрегерства в отношении так называемых «диких» народов с целью преодоления ими зависимости от природного влияния, формировали условия для практических действий, направленных на перевод коренных народов от кочевого к оседлому образу жизни, что легитимировало право «человека власти и культуры» на разумное насилие и оправдывало мероприятия по передаче земельного фонда номадов в пользование землепашцев, прибывавших из европейской части России.

Активизация данных практик способствовала оформлению общественно-политического дискурса аграрной колонизации Степного края, «площадками» которого на рубеже XIX–XX вв. выступали периодические издания, репрезентировавшие широкий спектр представлений о целях и задачах переселенческого движения в регион, состоянии фонда пригодных земель для населения мигрантов, соотношения пастбищных и аграрных угодий, природно-климатических условиях края и т.д. При несомненной важности обсуждения злободневных практических вопросов переселений, имперская экспертиза Степного края осуществлялась под ориенталистским лозунгом освоения «собственного Востока России», что выводило на первый план тему эффективности форм хозяйственной деятельности переселенцев-землепашцев и кочевников-скотоводов.

Заметим, что в исторической науке понимание кочевого хозяйства как ограниченного и регрессивного существенно скорректировано исследованиями последних десятилетий. Так, В.И. Колесник констатирует: «Принципиальных различий между кочевым скотоводческим и земледельческим оседлым хозяйственными укладами на доиндустриальном этапе развития цивилизации быть не может, поскольку оба они базируются на одинаковых источниках энергии (мускульная сила человека и животных) и одинаковых орудиях труда (ручных), имеют одинаковую структуру (подавляющее доминирование сельского хозяйства над ремеслом) и одинаковый предел роста производительности труда и валового продукта (физическая выносливость человека и рабочего скота)» [17; 149]. На этом основании исследователь сделал вывод, согласно которому номадический тип хозяйствования признать тупиковым неправомерно. Более того, В.И. Колесник справедливо утверждает, что с точки зрения равнозначной зависимости производственных процессов землепашцев и кочевников от природно-экологической среды, и те, и другие в одинаковой степени были ориентированы на экстенсивные методы хозяйственной деятельности, однако в силу внутренних демографических процессов, кочевые общества гораздо медленнее двигались в направлении кризиса экономики, связанного с резким ограничением территорий, пригодных для производства [17; 150]. Очевидно, что в конце XIX — начале XX вв. вопрос о перспективности кочевого и оседлого типа хозяйственной деятельности обсуждался в ином ключе и переход от кочевых форм существования к оседло-земледельческим рассматривался в рамках прогрессивных теорий как необходимое условие повышения эффективности и роста производительности экономики.

В ситуации эскалации переселенческого движения и перераспределения земельного фонда кочевников в пользу прибывающих партий российских мигрантов, дискуссии о перспективах экономической инкорпорации Степного края в общеимперское пространство развернулись с особой силой и приобрели яркий колониальный оттенок. Во многом это было обусловлено включением в поле дискурса представителей казахской степной аристократии, чей статус в российском обществе и системе управления окраинами отличался специфическими особенностями. Образованные по российско-европейским стандартам казахские интеллектуалы (Ч. Валиханов, А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, Г. Валиханов и др.), позиционировали себя одновременно в качестве представителей культуры метрополии и защитников интересов собственного народа. По замечанию исследователей, «культурное давление со стороны метрополии и навязанная обязанность «переводить» ее культуру, инструкции и политические инновации на местный язык могли стать неподъемной ношей для колониальных интеллектуалов... По большому счету перед интеллектуалами стояла задача преодоления «колониальной мимикрии», постоянной раздвоенности и становления в качестве «органических» интеллектуалов, которые связаны больше с собственным народом, чем с колониальной системой» [12]. Смещение траектории переселенческого движения от Западной Сибири к Степному краю, в известной степени способствовало мобилизации казахских интеллектуалов как защитников интересов своего народа, что было зафиксировано в публикациях лидеров степной аристократии Газы Валиханова и Алихана Букейханова, посвящённых широкому кругу проблем аграрной колонизации степной периферии Российской империи, ставших ответом на представления о колонизационных возможностях Степного края.

Симптоматично, что актуализация дискурса крестьянский переселений в Степной край приходится на конец 1880-х — начало 1890-х гг., что предметно фиксировалось в публикациях российских общественно-политических деятелей в либеральной печати. Так, Г.И. Успенский, опубликовавший в 1891 г. на страницах журнала «Русская мысль» статью «Кочевники и русские переселенцы» как дополнение к «Письмам переселенцев», указывал на обострение между коренным населением и осевшими в пределах Степного генерал-губернаторства крестьянами-переселенцами из Европейской России. Он подчеркнул, что непосредственным поводом для конфликтов стало публичное заявление генерал-губернатором М.Н. Таубе в 1890 г. о намерениях переселить в Акмолинскую область 8 000 крестьян из внутренних губерний [18; 41]. Этот шаг свидетельствовал о коренном изменении во взглядах имперской власти на характер и движущие силы колонизации Степного края, поскольку в предшествующие годы, вопрос об аграрно-колонизационных мероприятиях в регионе рассматривался как весьма отдалённая перспектива и вызывали скепсис. Ещё в 1873 г. генерал-губернатор Западной Сибири А.П. Хрущёв, реагируя на рассуждения акмолинского губернатора В.С. Цытовича о необходимости «соединить в развитии в кочевом населении русской цивилизации и просвещения» посредством реализации «возможности соприкосновения киргизских зимовых стойбищ с оседлыми поселениями», оценил этот проект как утопический [19; 309]. Его предшественник А.О. Дюгамель, заявлял: «Несмотря на то, что встречаются самые благоприятные условия и роскошные пастбища, эта степь не годится для земледелия и всегда будет населена исключительно кочевым племенем» [20; 25].

Первыми откликами на смену правительственному курсу и готовности имперской власти активизировать переселения в Степной край, по утверждению Г.И. Успенского, стали две публикации в газете «Новое время», которые представляли собой диаметрально противоположные оценки ситуации. В отделе газеты «внутреннее обозрение», вышедшей в 1890 г. под № 5220, в поддержку властной инициативы писалось: «50 млн. десятин — почти необъятное для обыкновенного понятия пространства. Свободной земли — более 5,5 млн. десятин. Особая поземельная комиссия полагает, что на этих землях можно водворить 400 тыс. душ переселенцев» [21]. При этом в корреспонденции подчёркивалось, что «Акмолинская область — не близкий свет, но, не идёт ни в какое сравнение с ещё более отдалённой Амурской областью» [21; 3]. Автор статьи, оперируя цифрами, стремился доказать, что даже в случае увеличения поголовья скота у кочевого населения в два раза, земельного фонда, пригодного для переселенцев будет достаточно для расселения 400 тыс. душ мужского населения или 800 тыс. душ обоего пола. Выводы корреспондента сводились к тому, что о земельном стеснении кочевников, а равно и отправке их депутации в Петербург с ходатайством о недопущении переселенцев не может быть и речи [21; 4]. Одним из главных доводов сторонников идеи нарезки переселенческих участков в Акмолинской области, являлось высочайшее повеление 13 июля 1889 г. о предоставлении всевозможных льгот для переселения русских крестьян, нуждавшихся в земле на свободные земли Азиатской России [18; 43].

Однако, как отмечал Г.И. Успенский, доводы административного порядка столкнулись с категорическим несогласием некоторых лидеров казахской интеллигенции, предоставивших объективную статистику и контраргументы относительно возможности и продуктивности массовых переселений в регион традиционного кочевого хозяйства. В той же газете (№ 5305) за 1890 г. было опубликовано обширное письмо Гази Валиханова — выходца из среды степной аристократии, потомка казахского хана Абылая и первого старшего султана Уалихана Губайдуллы Валиханова [22]. В послужном списке Г. Валиханова упомянуты основные этапы его профессиональной карьеры, свидетельствующие о серьёзной образовательной подготовке, позволившей Г. Валиханову реализоваться не только в военной, дипломатической, управленческой сферах, но и проявить себя как деятеля науки (участник экспедиций, член ИРГО с 1896 г.) и представителю интересов казахского народа [23; 16], [24; 317]. Следует добавить, что Г. Валиханов ещё в 1882 г. принял непосредственное участие в составлении брошюры, посвящённой празднованию в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 года (300-летия Сибири), на страницах которой последовательно изложил свои взгляды на будущее обширного региона в связи с железнодорожным строительством, особо подчеркнув «великое значение объединения, необходимого между киргизами (казахами) и другими сибирскими племенами с народностью русской» [25; 8].

Тем не менее, аккуратное исполнение служебных обязательств и демонстрация лояльности по отношению к имперской власти не исключали критического отношения казахской интеллигенции, и в частности Г. Валиханова, к тем проектам аграрной колонизации Степного края, предполагающие грубое вмешательство в культурно-хозяйственную сферу жизни его соплеменников. Реагируя на инициативу организации массового переселения российских мигрантов в Акмолинскую область и развертывание там системы пашенного земледелия, Г. Валиханов выдвинул ряд разумных «соображений, выражая готовность противостоять планам, направленным в конечном итоге на русификацию» коренного населения региона.

Во-первых, он полагал, что поселения, отведенные для наделения землёй переселенцев, находились в отдалённых районах Акмолинской области — в глухих бездорожных местностях, слабо затронутых административным контролем, что само по себе являлось «благоприятным» фоном для эскалации конфликтов межэтнического характера [22; 4].

Во-вторых, по мнению Г. Валиханова, лишение казахов-скотоводов пастбищных угодий неизбежно приведет их к вынужденной откочевке в Туркестанский край и Оренбургскую область, что будет сопряжено с огромными трудностями, связанными с адаптацией к условиям финансовыми потерями.

В-третьих, важным доводом, приводимым Г. Валихановым, являлось напоминание сторонникам переселений о безотказной и безнедоимочной кибиточной подати, которую автохтоны вносили в казну. Эти средства на содержание волостных администраций и поддержание торгово-экономических связей Российской империи с государствами Центральной Азии.

В-четвёртых, Г. Валиханов справедливо прогнозировал, что уход кочевников приведёт к исследованию степных территорий и снизит их доходность, в то время как русские переселенцы не смогут ограничиться в условиях Степного края только лишь земледельческими занятиями и будут вынуждены обращаться к скотоводческим промыслам, что потребует от них кардинального изменения своего культурно-хозяйственного типа [22; 4–6].

Нельзя не признать, что многие опасения, озвученные в заметке Г. Валиханова, оказались не беспочвенны. Это отчётливо проявилось спустя 10-летие, значительно уменьшив оптимистические ожидания российских экспертов, политиков и администраторов в связи с реализацией программ земледельческого освоения Степного края. Если Г. Валиханов имел возможность прогнозирования перспектив земледельческого освоения степных пространств за счёт изъятия пастбищ кочевников-номадов, то другой представитель казахской интеллигенции, А.Н. Букейханов, в 1908 г. представил общие результаты периода активной аграрной колонизации степной периферии империи.

Исследовательская и публицистическая деятельность А.Н. Букейханова, — выпускника Санкт-Петербургского Императорского Лесного института, члена Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, участника экспедиций в Западную Сибирь и Степной край (А.Н. Половцев, С.П. Швецов, Ф.А. Щербина), с 1894 г. была тесно связана с г. Омском и работой по изучению земледельческого и скотоводческого (кочевого) хозяйства в областях региона, активно включаемых Россией в колонизационный оборот. Сотрудничая со многими региональными и центральными изданиями, А.Н. Букейханов регулярно публиковал статьи и заметки, в которых автором

оценивалось содержание и результаты имперской переселенческой политики в Степном крае, а также подводились предварительные итоги реализации планов по аграрному освоению степного региона [26], [27].

В 1908 г. на страницах центрального издания «Сибирские вопросы» (№ 33–34) им был опубликован пространный очерк, посвящённый русским поселениям в глубине Степного края, в котором А.Н. Букейханов предметно обозначил наиболее проблемные последствия, ставшие результатом «оптимистической» логики многоземелья и российского администрирования в решении переселенческого вопроса [28].

Исходным мотивом в рассуждениях А.Н. Букейханова являлся тезис о типичных заблуждениях, свойственных так называемым имперским экспертам-кспедиционерам, в разные годы посетившим Степной край. По мнению исследователя, европейские путешественники XVIII–XIX вв., перемещаясь по степным территориям весной и в начале лета, фиксировали природу степей в момент цветения, на основании чего делали вывод о том, что этим землям не хватает «оплодотворяющего труда земледельца, чтобы здесь зацвела европейская культура» [28; 37]. Однако на практике, земли, пригодные для обработки в Степном крае, распределялись по пространству оазисно, при чём даже в благодатных на первый взгляд местностях, весеннее бурное пробуждение природы епе правило сменяться жарой и суховеями: «земля делается горячей, растение терпеть не может, степь выгорает» [28; 38]. По свидетельству А.Н. Букейханова, переселенцы неоднократно испытывали на себе «всю капризную изменчивость Киргизской степи..., когда пахать можно, только земля (сухая галька) родить не будет...» [28; 38].

А.Н. Букейханов, на страницах очерка, особое внимание уделил лимитированности результатов крестьянского земледелия в климатических условиях степи, подчёркивая, что иллюзии, приобретённые экспертами в результате случайных, несистематических наблюдений, легко усваивались крестьянами-переселенцами. Симптоматично, что логика переселенческого движения встраивалась в логику аграрного цикла и прибывшие в Степной край в марте-апреле мигранты смотрели на новые земли «глазами» экспедиторов. По мнению Букейханова, переселенцы посёлка Раздольного Атбасарского уезда, ссылаясь на низкое плодородие местной пашни, выразили желание переместиться на земли Акмолинского уезда, где весной видели хорошие покосы. Однако, приехав на место нового проживания осенью, обнаружили там лишь выжженные солонцы [28; 36].

Один из основных сюжетов, задействованных в очерке А.Н. Букейхановым, очевидно перекликается с предположением, озвученным в 1890-х гг. Г. Валихановым: об аграрно-колониационной ёмкости Степного края, естественных пределах земледельческого производства и смене хозяйственно-культурного типа переселенцев. Ссылаясь на исследовательский опыт переселенческого агента Г. Лебедева, произведшего детальное обследование посёлка Ивановский, расположенного в южной части Акмолинского уезда, Букейханов пришёл к неутешительным выводам о том, что земледелие в посёлке характеризуется низкой эффективностью (урожайность 25–30 пудов с десятины) и существует только за счёт постоянного введения в оборот целинных земель, заключив, что «им, ивановцам, в скором времени придётся решать, какое хозяйство выгоднее — экстенсивно-зерновое, с регулярно низкими урожаями, или киргизское, скотоводческое» [28; 34]. Предположения Г. Лебедева и А. Букейханова относительно большей продуктивности в Степном крае хозяйств номадического типа подтверждались и выводами российских исследователей, побывавших в регионе с практическими целями выявления местных условий для ведения пашенного хозяйства. Так, К.А. Вернер, писал: «Кочевое хозяйство с его выносливым нетребовательным верблюдом и курдючной овцой удивительно целесообразно приспособлено к местным условия. Нельзя не признать, что киргизское кочевое хозяйство, вполне рационально» [29; 94-95].

Стоит отметить, что взвешенная критика организации аграрно-переселенческого дела в Степном крае, данная представителями казахской научной интеллигенции, при существующей имперской линии, ориентированной на массовость миграций и распространение в регионе русской оседлости, произвела резонанс и нашла общественную поддержку, но в практическом плане оказалась мало результативна. По замечанию А.Н. Букейханова, переселенческое ведомство старалось под разными предлогами избавиться от противников аграрной политики на восточных окраинах империи, что произошло, например, с упомянутым выше Г. Лебедевым, который в 1909 г. оставил службу в переселенческой организации.

Выводы

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв., в связи с ростом переселенческого движения и смещением миграционных акцентов в направлении Степного края, в дискурс аграрной колонизации восточных окраин Российской империи активно включаются представители родовой казахской аристократии. Жесткие и скоропалительные меры имперских властей, направленные на поддержку аграрных переселений, в значительной мере способствовали актуализации национальной идентичности степных лидеров, а также их последующей политизации. На страницах периодических изданий всё чаще стали приводиться разумные доводы в поддержку традиционного типа хозяйственной деятельности, основанные не на эмоциях и национальном чувстве, а на выверенной статистике и надёжной доказательной базе.

Предостережения и прогнозы, репрезентируемые в записке Г. Валиханова в 1890 г., во многом подтвердились к 1908 г., когда процесс аграрных переселений в Степной край приобрёл массовые очертания, что оказалось осмыслено и представлено в специальном исследовании А.Н. Букейханова.

Список литературы

- 1 Мажитова Ж.С. Институт биев: подходы и интерпретации в российской и казахстанской историографии: моногр. / Ж.С. Мажитова. — М.: «КДУ», «Университетская книга», 2015. — 352 с.
- 2 Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса [Электронный ресурс] / А.П. Миньяр-Белоручева // Язык и текст langpsy.ru. — 2015. — Т. 2. — № 2. — Режим доступа: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloucheva.shtml>
- 3 Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи / Ч.Ч. Валиханов // Собрание сочинений в пяти томах. — Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. — Т. 4. — С. 71–76.
- 4 Букейханов А.Н. Исторические судьбы киргизского края и его культурные успехи / А.Н. Букейханов; глав. ред. Р. Нургалиев // Тандамалы (Избранное). — Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1995. — 216 с.
- 5 Абуев К.К. Султан-Газы Валиханов / К.К. Абуев; под ред. А.П. Толочко // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность / Тезисы докладов и сообщений IV Международной научной конференции, посвященной 170-летию Г.Н. Потанина и Ч.Ч. Валиханова. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. — С. 139–144.
- 6 Абселемов С.А. Аграрная колонизация Степного края в российской и казахстанской историографической традиции (вторая половина XIX — начало XXI вв.): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук / С.А. Абселемов. — Омск, 2019. — 26 с.
- 7 Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в имперских проектах и практиках второй половины XIX — начало XX вв.: автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук / Б.С. Токмурзаев. — Омск, 2016. — 27 с.
- 8 Дамшек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII — начала XX вв. / Л.М. Дамшек // Сибирь на этапе становления индустриального общества: Мат-лы Международной науч. конф. к 75-летию Л.М. Горюшкина. — Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2002. — С. 105–108.
- 9 Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) / А.В. Ремнев // Ab Imperio. — 2000. — № 3–4. — С. 343–358.
- 10 Чуркин М.К. Образовательное пространство Степного края как фактор научной и общественно-политической коммуникации казахской интеллигенции середины XIX — начала XX вв. / М.К. Чуркин // Мат-лы Международной науч.-практ. конф. «Шокан оқулары-24», посвященной 185-летию Шокана Уалиханова [В 4-т.]. Т. 1. — Кокчетав, 2020. — С. 32–38.
- 11 Чуркин М.К. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX — начала XX вв. / М.К. Чуркин, Б.С. Токмурзаев. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. — 261 с.
- 12 Бисенова А. Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительской ролью / А. Бисенова, А. Мукашева // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 6 (166). — С. 445–449.
- 13 Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период / В. Тольц. — М., 2013. — 336 с.
- 14 Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начале XX века (1867–1904 гг.) / Б.С. Сулейменов. — Алма-Ата: Академии наук КазССР, 1963. — 411 с.
- 15 Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX — начале XX века (на материалах Семиреченской области): автореф. дис. на соискание уч. степени канд. ист. наук. — Алматы, 1994. — 28 с.
- 16 Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации / М.К. Чуркин. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2006. — 376 с.
- 17 Колесник В.И. Экономические возможности кочевых обществ / В.И. Колесник // Вопросы истории. — 2007. — № 4. — С. 142–152.

- 18 Успенский Г.И. Кочевники и русские переселенцы / Г.И. Успенский // Русская мысль. — 1891. — Кн. III. — С. 41–47.
- 19 ГИАОО (Государственный исторический архив Омской области). — Ф. 3. — Оп. 7. — Д. 11285. — Л. 309.
- 20 Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. — 1885. — № 7. — С. 18–32.
- 21 Внутреннее обозрение // Новое время. — 1890. — № 5220. — С. 1–5.
- 22 Письмо Султан-Газы Валиханова // Новое время. — 1890. — № 5305. — С. 4–6.
- 23 Состав ИРГО. 31 декабря 1895 г. — СПб., 1896. — 66 с.
- 24 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. — 558 с.
- 25 Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 года. — СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1882. — 42 с.
- 26 Букейханов А.Н. Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 года / А.Н. Букейханов. — Омск, 1902. — 27 с.
- 27 Букейханов А.Н. «Киргизы» / А.Н. Букейханов; под ред. А.И. Костелянского // Формы национального движения в современных государствах. — Петербург-Петроград, 1910. — 586 с.
- 28 Букейханов А.Н. Русские поселения в глубине Степного края / А.Н. Букейханов // Сибирские вопросы. — 1908. — № 33–34. — С. 29–45.
- 29 Вернер К.А. Овцеводство в районе западного участка Сибирской железной дороги / К.А. Вернер. — СПб.: Изд. Ком. Части, 1905. — 123 с.

Ж.Б. Абсаттарова, Ж.С. Мажитова

Дала өлкесіне аграрлық қоныс аудару Қазақ зиялылары көшбасшыларының дискурсында (XIX ғасырдың аяғы — XX ғғ. басы)

Мақалада қазақ зиялылары көшбасшыларының өкілдігінде Дала өлкесіне аграрлық қоныс аудару дискурсының мазмұны ашылған. Зерттеу барысында XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басында Ресейдегі аграрлық-экологиялық дағдарыстың салдары шаруаларды империяның азиялық бөлігіне жаппай көшіру жобаларын әзірлеу болғандығы анықталды. Батыс Сібірдегі жерлердің отарлау қорының қысқаруы көші-қон ағындарының Дала аймағына қарай жылжу перспективаларын ашты. Консерваторлар дискурсында қолдау тапқан орталық және өңірлік билік органдарының Дала облыстарында қоныстандыруды жандандыру туралы бастамалары мен практикалық шешімдері Ресей қоғамының либералды сегментінде және қазақ дала ақсүйектері өкілдерінің арасында теріс қабылданды. Еуропалық-ресейлік стандарттар бойынша білім алған қазақ зиялыларының көшбасшылары отарланатын өңірде аграрлық тәжірибелердің кең таралуының перспективалары мен ықтимал салдарын талқылауға белсенді қатысты. Сұлтанғазы Уәлиханов және Ә.Н. Бөкейханов жарияланымдарда Дала аймағындағы шаруашылықтардың мал шаруашылығы түрінің артықшылықтарының пайдасы жайлы, ал өндірістің егіншілік нысандарының экономикадағы үстемдігінің тиімсіздігі жайлы ұстанымдар тұжырымдалып, негізделді.

Кілт сөздер: аграрлық отарлау, қазақ зиялылары, қоныс аудару қозғалысы, Сұлтанғазы Уәлиханов, Әлихан Бөкейханов, Дала өлкесі, дискурс, өкілдіктер.

Zh.B. Absattarova, Zh.S. Mazhitova

Agricultural migrations to the steppe territory in the discourse of the leaders of the Kazakh intelligentsia (late nineteenth-early XX centuries)

The article reveals the content of the discourse of agrarian migrations to the Steppe region in the representation of the leaders of the Kazakh intelligentsia. In the course of the study, it was found that in the late nineteenth and early twentieth centuries a consequence of the agrarian and ecological crisis in Russia was the development of projects for the mass resettlement of peasants in the Asian part of the empire. The reduction of the colonization fund of lands in the western part of Siberia opened up prospects for the movement of migration flows in the direction of the Steppe Territory. The initiatives and practical decisions of the central and regional authorities to intensify the settlement of the steppe regions, supported in the discourse of “guardians”, were negatively perceived in the liberal segment of Russian society and among representatives of the Kazakh steppe aristocracy. The leaders of the Kazakh intelligentsia, educated according to European-Russian standards, were actively involved in the discussion of the prospects and possible consequences of the widespread adoption of agricultural practices in the colonized region. In the multi-temporal publications of Sultan-Gaza Valikhanov and A.N. Bukeikhanov, positions were formulated and substantiated in favor of the advantages of the cattle-breeding type of economic activity in the Steppe region and the inefficiency of the dominance of agricultural forms of production in the economy.

Keywords: agrarian colonization, Kazakh intelligentsia, migration movement, Sultan-Gazy Valikhanov, Alikhan Bukeikhanov, Steppe region, discourse, representations.

References

- 1 Mazhitova, Zh.S. (2015). *Institut biev: podkhody i interpretatsii v rossiiskoi i kazakhstanskoi istoriografii: monografia [Institute of biys: approaches and interpretations in Russian and Kazakh historiography: monograph]*. Moscow: «KDU», «Universitetskaia kniga» [in Russian].
- 2 Miniar-Belouchcheva, A.P. (2015). Tipologii istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Yazyk i tekst langpsy.ru. — Language and text langpsy.ru.*, 2, 2. Retrieved from <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Belouchcheva.shtml> [in Russian].
- 3 Valikhanov, Ch.Ch. (1984). O musulmanstve v stepi [About Islam in the steppe]. *Sobranie sochinenii v piati tomakh — Collected works in five volumes*. Almaty: Glavnaia redaktsiia Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, 4, 71–76 [in Russian].
- 4 Bukeikhanov, A.N. (1995). *Istoricheskie sudby kirgizskogo kraia i ego kulturnye uspekhi [Historical destinies of the Kyrgyz region and its cultural successes]*. R. Nurgaliev (Ed.). Almaty: Kazak entsiklopediiasy [in Russian].
- 5 Abuev, K.K. (2005). Sultan-Gazy Valikhanov [Sultan-Gazy Valikhanov]. *Stepnoi kraj Evrazii: Istoriko-kulturnye vzaimodeistviia i sovremennost — Steppe region of Eurasia. Historical and cultural interactions and modernity. Tezisy dokladov i soobshchenii IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 170-letiiu G.N. Potanina i Ch.Ch. Valikhanova — The abstracts of reports and communication of the IV international scientific conference dedicated to the 170th anniversary of G.N. Potanin and Ch.Ch. Valikhanov*. A.P. Tolochko. (Ed.) Omsk: Izdadelstvo Omskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta (pp. 139–144) [in Russian].
- 6 Abselemov, S.A. (2019). Agrarnaia kolonizatsiia Stepnogo kraia v rossiiskoi i kazakhstanskoi istoriograficheskoi traditsii (vtoraia polovina XIX — nachalo XXI vv.). [Agrarian colonization of the Steppe region in the Russian and Kazakh historiographical tradition (second half of the 19th — early 21st centuries)]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Omsk [in Russian].
- 7 Tokmurzaev, B.S. (2016). Agrarnaia kolonizatsiia Stepnogo kraia v imperskikh proektakh i praktikakh vtoroi poloviny XIX — nachalo XX vv. [Agrarian colonization of the Steppe region in imperial projects and practices of the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Extended abstract of Candidate's thesis*. Omsk [in Russian].
- 8 Dameshek, L.M. (2002). «Sibirskie inorodtsy» v imperskoi strategii vlasti XVIII — nachala XIX vv. [“Siberian foreigners” in the imperial strategy of power in the 18th — early 20th centuries]. *Sibir na etape stanovleniia industrialnogo obshchestva: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 75-letiiu L.M. Goryushkina — Siberia at the stage of the formation of an industrial society: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 75th anniversary of L.M. Goryushkin* (pp. 105–108). Novosibirsk: Institut istorii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk [in Russian].
- 9 Remnev, A.V. (2000). Regionalnye parametry imperskoi «geografii vlasti» (Sibir i Dalnii Vostok) [Regional parameters of the imperial “geography of power” (Siberia and the Far East)]. *Ab Imperio*, 3-4, 343–358 [in Russian].
- 10 Churkin, M.K. (2020). Obrazovatelnoe prostranstvo Stepnogo kraia kak faktor nauchnoi i obshchestvenno-politicheskoi kommunikatsii kazakhskoi intelligentsii serediny XIX — nachala XX vv. [The educational space of the Steppe region as a factor in scientific and socio-political communication of the Kazakh intelligentsia of the mid-19th — early 20th centuries]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Shokan okulyary-24», posviashchennoi 185-letiiu Shokana Ualikhanova — Proceedings of the international scientific and practical conference “Shokan oculars-24”, dedicated to the 185th anniversary of Shokan Ualikhanov*. (Vols. 1–4; Vol. 1) (pp. 32–38). Kokchetav [in Russian].
- 11 Churkin, M.K. & Tokmurzaev, B.S. (2019). *Agrarnaia kolonizatsiia Stepnogo kraia: obshchestvenno-politicheskii diskurs i imperskie praktiki vtoroi poloviny XIX — nachala XX vv. [Agrarian colonization of the Steppe region: socio-political discourse and imperial practices of the second half of the 19th — early 20th centuries]*. Omsk: Izdadelstvo Omskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [in Russian].
- 12 Bisenova, A. & Mukasheva, A. (2020). Kolonialnye intellektualy: mezhdru prosveshchencheskoi i predstavitel'skoi roliu [Colonial intellectuals: between the enlightenment and representative roles]. *Novoe literaturnoe obozrenie — New Literary Review*, 6 (166), 445–449 [in Russian].
- 13 Tolts, V. (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's Own East”: Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial Period]. Moscow [in Russian].
- 14 Suleimenov, B.S. (1963). *Agrarnyi vopros v Kazakhstane poslednei treti XIX — nachale XX veka (1867–1904 gg.) [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the 19th — early 20th centuries (1867–1904)]*. Almaty: Akademiia Nauk Kazakhskoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki [in Russian].
- 15 Tashtemkhanova, R.M. (2006). Pereselencheskaia derevnia i ee vzaimosviazi s kazakhskim aulom vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka (na materialakh Semirechenskoi oblasti) [Migrant village and its relationship with the Kazakh village in the second half of the 19th — early 20th centuries (based on proceedings from the Semirechensk region)]. *Extended abstract of Candidate's thesis*. Almaty [in Russian].
- 16 Churkin, M.K. (2006). *Pereseleniia krestian chernozemnogo tsentra Evropeiskoi Rossii v Zapadnuui Sibir vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv.: determiniruiushchie faktory migratsionnoi mobilnosti i adaptatsii [Relocation of peasants from the black earth center of European Russia to Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th centuries: determining factors of migration mobility and adaptation]*. Omsk: Izdadelstvo Omskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta [in Russian].
- 17 Kolesnik, V.I. (2007). Ekonomicheskie vozmozhnosti kochevykh obshchestv [Economic opportunities of nomadic societies]. *Voprosy istorii — Questions of history*, 4, 142–152 [in Russian].

- 18 Uspenskii, G.I. (1891). Kochevniky i russkie pereselentsy [Nomads and Russian settlers]. *Russkaia mysl — Russian thought*. 41–47 [in Russian].
- 19 Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [State Historical Archive of the Omsk Region]. — F. 3. — Op. 7. — D. 11285. — L. 309 [in Russian].
- 20 (1885). Avtobiografiia A.O. Diugamelia [Autobiography of A.O. Duhamel]. *Russkii arkhiv — Russian Archive*. 7, 18–32 [in Russian].
- 21 (1890). Vnutrennee obozrenie [Internal review]. *Novoe vremia — New time*, 5220, 1–5 [in Russian].
- 22 (1890). Pismo Sultan-Gazy Valikhanova [Letter from Sultan-Gaza Valikhanov]. *Novoe vremia — New time*, 5305, 4–6 [in Russian].
- 23 (1895). *Sostav IRGO [Composition of the News of the Russian Geographical Society]*. Saint Petersburg [in Russian].
- 24 (2007). *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov [History of Kazakhstan in Russian sources of the XVIth – XXth centuries]*. Almaty: Daik-Press [in Russian].
- 25 (1882). *Prazdnovanie v Peterburge i Moskve dnia 26 oktiabria 1581 goda [Celebration in Saint Petersburg and Moscow of October 26, 1581]*. Saint-Petersburg: Tipografia F. Eleonskogo [in Russian].
- 26 Bukeikhanov, A.N. (1902). *Svedeniia o kirgizskom khoziaistve Stepnogo kraia k 15 yanvaria 1902 goda [Information about the Kyrgyz economy of the Steppe Territory by January 15, 1902]*. Omsk [in Russian].
- 27 Bukeikhanov, A.N. (1910). Kirgizy [Kyrgyz]. *Formy natsionalnogo dvizheniia v sovremennykh gosudarstvakh — Forms of national movement in modern states*, 586 p. [in Russian].
- 28 Bukeikhanov, A.N. (1908). Russkie poseleniia v glubine Stepnogo kraia [Russian settlements in the depths of the Steppe region]. *Sibirskie voprosy — Siberian Issues*, 33–34, 29–45 [in Russian].
- 29 Verner, K.A. (1905). *Ovtsevodstvo v raione zapadnogo uchastka Sibirskoi zheleznoi dorogi [Sheep farming in the area of the western section of the Siberian Railway]*. Saint Petersburg: Izdatelstvo kommunisticheskoi chasti [in Russian].

Сведения об авторах

Абсаттарова Жанар — старший преподаватель кафедры Истории Казахстана и Ассамблеи Народа Казахстана, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0004-5428-1001>

Мажитова Жанна — д.и.н., профессор, НАО «Медицинский университет Астана», Астана, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0003-3712-2127>

Information about the authors

Absattarova Zhanar — Senior Lecturer of the Department of History of Kazakhstan and Assembly of Peoples of Kazakhstan, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0004-5428-1001>

Mazhitova Zhanna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Astana Medical University, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0004-5428-1001>